

Б. А. Лезин

Вопросы теории и психологии творчества

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Б11

Б11 **Б. А. Лезин**
Вопросы теории и психологии творчества: Том 1 / Б. А. Лезин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 444 с.

ISBN 978-5-458-54923-3

ISBN 978-5-458-54923-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Памяти

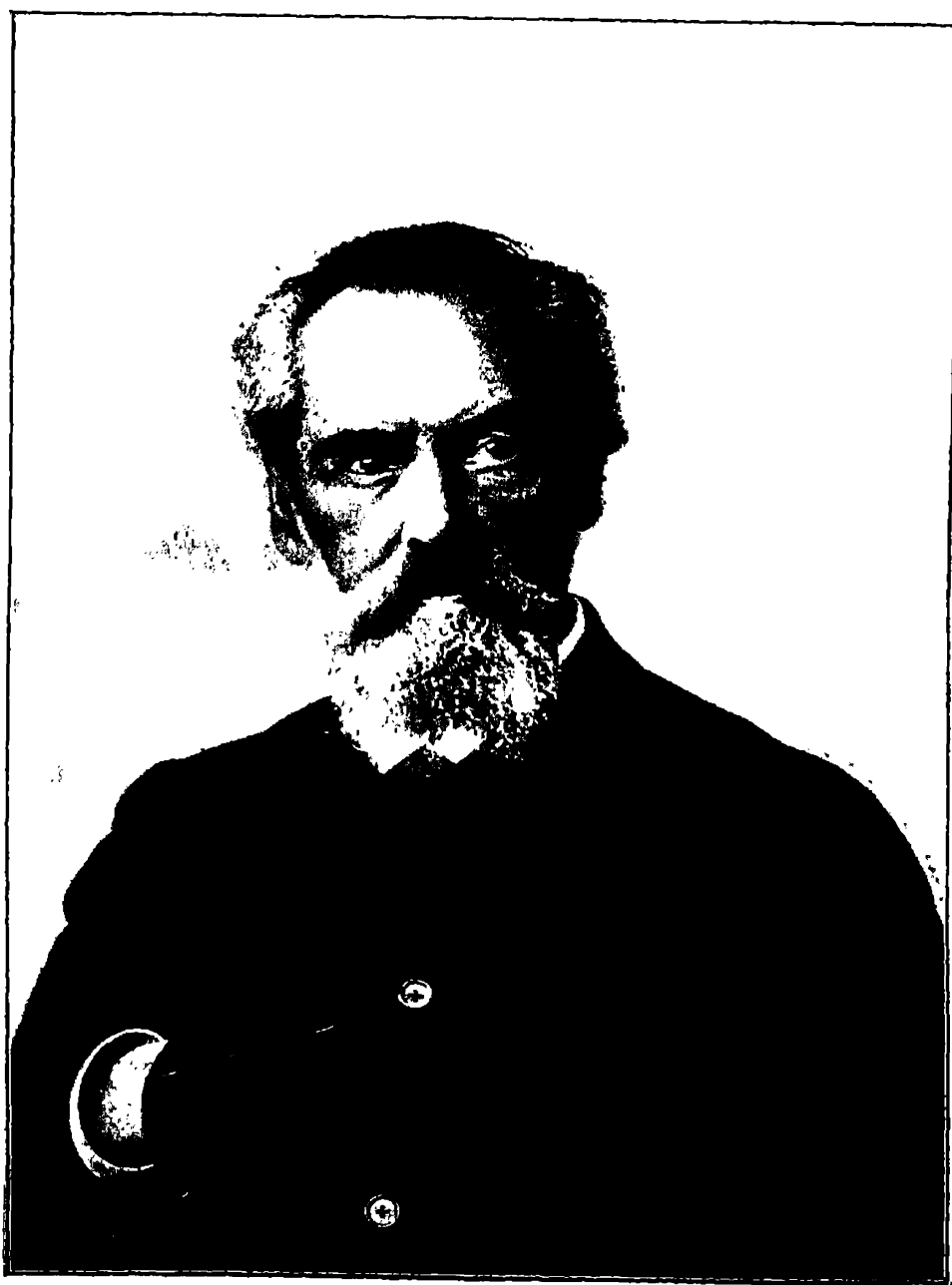
Александра Аванисьевича Потебни

и

Александра Николаевича Веселовского.

*Александр Афанасьевич
Потебня.*

*Александр Николаевич
Беселовскій.*

Предисловіе ко второму изданію.

На непонятныя явленія природы духъ человѣческой, въ сипу своего основного характера—„жажды причинности“, отвѣчаетъ двояко: или разнообразіе ихъ онъ подводитъ подъ обобщающія формулы законовъ (научное творчество) или придаетъ имъ *единство* въ художественныхъ образахъ, символахъ, въ словесныхъ или пластическихъ выразителяхъ эмоцій (художественное творчество). Безконечною цѣлью тянется эта попытка человѣческаго ума—привести въ извѣстную систему хаотическое разнообразіе явленій и тѣмъ самымъ освободиться отъ тяжести непонятаго.—Только творческой способностью человѣка обусловливается каждый шагъ въ побѣдѣ человѣка надъ природою и самимъ собою. Закрѣпляя результаты творчества въ словѣ письменномъ и устномъ, одно поколѣніе передаетъ другому итоги его, и, въ концѣ концовъ, образуется огромная сокровищница идей, растущая и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи. И художественное творчество внесло и вноситъ не малую долю въ этотъ богатѣйшій капиталъ идей, образовъ, отвѣчая всегда на интимные запросы человѣческаго сердца, ума... Такимъ образомъ, историческое изслѣдованіе искусства показываетъ, какъ человѣчество отвѣчало на „проклятые“ вопросы, какъ каждое поколѣніе освѣщало ихъ по своему, что новаго вносило, а психологическій анализъ его вскрываетъ не только тѣ тайники душевныхъ движеній, которыми порождается художественное и научное творчество, но и тѣ тончайшіе изгибы обыденнаго мышленія, которые, въ увеличенномъ, такъ сказать, видѣ, профильтрованные творческимъ умомъ великаго создателя, кажутся на верхахъ мысли замѣтными, возбуждающими интересъ и глубиной содержанія и оригинальной формой.

Ростъ искусства, науки обусловливается прогрессомъ разума человѣка, этой высшей способности творческаго ха-

рактера, неразрывно связанной съ языкомъ. Слѣдовательно, теорія словесности непременно должна вѣдаться съ творческими элементами въ языкѣ, этимъ орудіемъ мысли.

Какъ наша мысль, которой едва хватало у нашего отдаленнѣйшаго предка на удовлетвореніе самыхъ элементарныхъ потребностей и которая отливалась въ десятокъ—другой словъ междометнаго характера,—росла, крѣпла, развивалась и принимала грандіозные, чудовищные размѣры у величайшихъ представителей человѣческаго ума; каковы были причины такого прогресса мысли; какова роль языка въ этомъ дѣлѣ, какъ образныя слова постепенно развертывались въ огромныя поэтическія произведенія—пѣсни, басни, былины, сказки, романы, драмы и т. п., а слова безобразныя—понятія обращаются, силою роста мысли, въ законъ науки,—все это вопросы крайне интересные и поучительные. Но безъ знанія частей машины нельзя хорошо понять и дѣйствія ея,—такъ и въ дѣлѣ пониманія, воспріятія художественнаго образа: требуется не только изученіе исторической обстановки, среди которой зародился тотъ или иной поэтическій сюжетъ, но необходимо знать, какое видоизмѣненіе этотъ образъ внесъ въ психологію творца и *какъ* воспринялъ его читатель. Вѣдь жизнь всякаго поэтического сюжета, образа—въ *пользованіи* имъ.

Разнообразіе и богатство методовъ изученія исторіи и психологіи образнаго мышленія сводится, въ концѣ-концовъ, къ двумъ, наиболѣе общимъ и цѣлесообразнымъ: историко-сравнительному и психологическому, въ конечныхъ выводахъ сливающимся во-едино. Представителемъ перваго является у насъ выдающійся, замѣчательный ученый Ал-ръ Веселовскій; типичнымъ выразителемъ второго—не менѣе выдающійся по широтѣ своего творческаго размаха мысли—А. Потебня.

Ихъ памяти посвящается настоящее изданіе, имѣющее въ виду дать въ возможно болѣе понятномъ видѣ для широкой читающей публики конечные выводы этихъ геніальныхъ ученыхъ по изслѣдованію природы, исторіи художественнаго и научнаго творчества.

Б. Лезинъ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

I.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ОБЪ „ОСНОВАХЪ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА“¹⁾.

I.

Задача этихъ лекцій состоитъ въ томъ, чтобы установить *основныя научныя понятія, относящіяся къ психологии художественнаго творчества*. Чтобы ихъ установить, прежде всего необходима *правильная классификація изучаемаго явленія*. На вопросъ: возможна ли такая классификація безъ предварительнаго изученія природы явленія?—мы отвѣтимъ: вполне возможна, если только данное явленіе достаточно знакомо намъ, если мы уже имѣемъ о немъ извѣстныя свѣдѣнія, составившіяся эмпирически и настолько правильныя, что мы безъ труда различаемъ данное явленіе, не смѣшивая его съ другими. Такъ, мы, не имѣя еще научныхъ понятій о природѣ художественнаго творчества, не умѣя опредѣлить, что такое искусство, тѣмъ не менѣе хорошо и твердо знаемъ, что напр. „Евгеній Онѣгинъ“, „Мертвыя Души“, стихи Кольцова, картина Айвазовскаго, опера Глинки и т. д. это—произведенія *художественнаго творчества*, а не какого-нибудь другого, напр. не философскаго и не научнаго. Съ другой стороны мы также твердо знаемъ, что созданіе любого художественнаго произведенія есть *трудъ*, часто очень сложный и тяжелый, и что это трудъ—*умственный, работа мысли*. Нѣкоторые сомнѣнія, пожалуй, могутъ возникнуть у человѣка, не привыкшаго къ психологическому мышленію, насчетъ пѣнія и музыки: онъ можетъ подумать, что тутъ работаетъ не мысль, а чувство. Но не трудно разсѣять эти сомнѣнія; пѣвецъ, музыкантъ, композиторъ выражаютъ музыкальными звуками и чувства, и мысли: даже въ томъ случаѣ, когда, предположимъ, въ нихъ воспроизводятся только чувства (случай, собственно говоря, невозможный), то самый фактъ, что эти чувства выражаются, есть уже *фактъ умственнаго порядка*. Ибо у человѣка

¹⁾ Въ этой статьѣ кратко, почти конспективно изложены мысли, которыя я подробно развивалъ въ курсѣ, читанномъ лѣтъ 8 тому назадъ въ Харьк. Унив. Въ ихъ ряду есть одна, которая въ настоящее время представляется мнѣ не выдерживающею критики,—это именно мысль о принципиальномъ единствѣ *лирики и образнаго искусства*. Я пришелъ къ противоположному выводу—о принципиальномъ различіи между ними и въ статьѣ, помѣщенной во 2-мъ выпускѣ 2-го тома этого изданія, слѣлалъ попытку установить взглядъ на *лирику—какъ на особый видъ творчества*—Оба воззрѣнія требуютъ дальнѣйшей разработки, въ особенности со стороны психологической. Быть можетъ, они оба окажутся несостоятельными и только расчислать дорогу третьему...

всякое *выраженіе* психическаго процесса жестомъ, словомъ, звукомъ, знакомъ, символомъ есть, по необходимости, *актъ мысли*. И чѣмъ знакъ сложнѣе, чѣмъ выраженіе искуснѣе или искусственнѣе, тѣмъ больше въ немъ элементовъ мысли. Простой жестъ, выражающій какое нибудь элементарное чувство, уже заключаетъ въ себѣ частицу мысли, именно представленіе этого чувства. Чѣмъ сложнѣе и выше чувство, тѣмъ, слѣдовательно, больше требуется умственнаго труда для созданія этого выраженія.

Музыка же есть процессъ созданія сложныхъ символовъ, которые совершенно правильно называются „музыкальными идеями“. Пусть выражаемое будетъ чувствомъ, а не мыслью, но его музыкальное выраженіе есть прежде всего *работа мысли*, именно *мысли музыкальной*.

И такъ, если искусство, не исключая и музыки, есть работа мысли, то его слѣдуетъ классифицировать вмѣстѣ съ другими *аналогичными* видами работы мысли. За этими послѣдними ходить не далеко. Всякому ясно, что нельзя приурочивать художественное творчество напр. къ такой работѣ мысли, какъ, скажемъ, „кулинарное искусство“, столярное и т. д., или къ той работѣ мысли, которая выражается въ дѣятельности управляющаго банкомъ или директора гимназіи. Въ обширномъ психологическомъ смыслѣ всякое человѣческое дѣло или бездѣлье есть „умственная работа“. Безъ мозговой работы нельзя спать сапога, нельзя ходить, говорить, скучать. Она продолжается даже во снѣ.—Всякому ясно, что умственная дѣятельность, выражающаяся въ искусствѣ, должна быть строго отличаема отъ всѣхъ видовъ *прикладной* работы мысли, направляемой на удовлетвореніе житейскихъ потребностей, равно какъ и работы, мотивированной случайными обстоятельствами даннаго момента. *Художественная дѣятельность* человѣка и даже всякое мимолетное *художественное движеніе* нашей мысли *мотивируется не извне, а изнутри, являясь порожденіемъ* какой то внутренней, душевной потребности. Это именно—*потребность выраженія*,—*потребность, обрѣтающая удовлетвореніе въ этомъ ея выраженіи, независимо отъ дальнѣйшихъ послѣдствій или примѣненій* его. Возьмемъ примѣръ. Архитекторъ строить домъ. Если при этомъ онъ руководился только тѣми цѣлями, для которыхъ домъ предназначенъ, если онъ имѣлъ въ виду только требованія удобства, прочности, доходности, наконецъ внѣшней красоты, какъ онъ ее понимаетъ, или какъ понимаетъ ее собственникъ дома, и больше ничего не вложилъ въ это созданіе своего архитектурнаго искусства, то, какъ бы этотъ домъ ни былъ проченъ, удобенъ, изященъ и т. д.,—онъ не будетъ произведеніемъ художественнаго творчества. Но если архитекторъ—художникъ, не упуская изъ—виду требованій удобства, изящности и т. д., въ то же время воплотилъ въ своемъ созданіи *свою мысль, свое настроеніе*, то построенный домъ, кромѣ своего прямого назначенія, явится также и *выраженіемъ* художественныхъ идей строителя: онъ будетъ *произведеніемъ искусства*. И таковымъ останется онъ и въ томъ случаѣ, если бы оказалось, что онъ неудобенъ, непроченъ, некрасивъ. Онъ можетъ оказаться плохимъ произведеніемъ искусства и свидѣтельствовать о слабости художественныхъ дарованій строителя, но это не мѣшаетъ ему принадлежать къ области искусства.

Когда сказывается потребность человѣка *выразить себя* и когда создается *соответственное выраженіе*, удачное или неудачное—это